

ДВА ПОДХОДА К РЕФОРМЪ ПРАВОПИСАНИЯ¹

Нынѣ, когда снова заговорили о реформѣ русскаго правописанія и готовится проектъ новой редакціи «Правиль орѳографіи и пунктуаціи», будетъ небесполезнымъ оглянуться назадъ и посмотрѣть, какъ рѣшали эту проблему наши предки.

Первой серьезной реформой орѳографіи была реформа болгарскаго патріарха Евѳимія. Къ концу XII вѣка Болгарія и Сербія завоевали политическую независимость отъ Византіи. Около середины XIII вѣка начинается расцвѣтъ литературы и культуры, такъ называемый «серебряный вѣкъ» болгарской письменности («золотымъ» былъ X вѣкъ). Серьезной реформѣ подвергся литературный языкъ, въ которомъ утверждаются строгія орѳографическія нормы. Дѣло въ томъ, что къ концу XIV вѣка богослужебные тексты у славянъ пришли въ негодность, отступили отъ первоначальныхъ образцовъ, испортились отъ рукъ не всегда грамотныхъ писцовъ. Патріархъ Евѳимій (1360 — 1393) предпринялъ массовое исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ создалъ цѣлую школу опытныхъ переводчиковъ, справщиковъ и писцовъ; центромъ этой школы былъ монастырь св. Троицы близъ г. Тырнова. Исправленные здѣсь книги такъ называемаго тырновскаго извода расходились по всей Болгаріи, а затѣмъ попадали въ Сербію, на Афонъ, въ Россію. Послѣ захвата Тырнова турками-османами патріархъ Евѳимій былъ сосланъ, но начатая имъ реформаторская дѣятельность продолжилась въ Сербіи.

При покровительствѣ деспота Стефана Лазаревича на р. Ресавѣ былъ основанъ монастырь св. Троицы, въ которомъ были собраны наиболѣе просвѣщенные иноки. Ресавская орѳографія стала стала наслѣдницей орѳографіи болгарскихъ книжныхъ центровъ. Особую роль въ ресавской книжной справѣ сыгралъ Константинъ Костенецкій, написавшій специальное орѳографическое сочиненіе – «Сказаніе о писменехъ»². Константинъ родился въ Болгаріи въ г. Костенецъ (откуда и пошло его прозвище), въ началѣ 90-хъ годовъ XIV вѣка. Отрокомъ въ самомъ началѣ XV вѣка онъ отправился въ Бачковскій монастырь, куда былъ сосланъ въ свое время Евѳимій Тырновскій; здѣсь Константинъ сталъ ученикомъ монастырской школы и, въ частности, ученикомъ ученаго монаха Андроника, бывшаго въ свою очередь ученикомъ Евѳимія Тырновскаго, который, уже въ свою очередь, былъ ученикомъ виднаго болгарскаго исихаста Феодосія Тырновскаго, который былъ непосредственнымъ ученикомъ одного изъ отцовъ-основателей исихазма Григорія Синаита; такимъ образомъ, выстраивается цѣпь лично переданной исихастской

¹ Первая публикация (в сокращении): Слова, слова, слова... Межвуз. сб. науч. тр., посв. 65-летию со дня рождения д. ф. н. проф. И. Г. Добродомова. М., - Смоленск, 2000. С. 96-100.

² Опубликовано с обширными комментариями И. В. Ягичем: *Ягич И. В.* Рассужденіе южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ. СПб., 1896. С. 78-229.

традиції³. Въ Бачковскомъ монастырѣ онъ приобрелъ знаніе какъ славянскаго, такъ и греческаго языковъ, а также познанія въ области исихастскаго богословія. Послѣ окончанія обученія Константинъ не смогъ или не захотѣлъ принять монашескій постригъ и вынужденъ былъ покинуть монастырь. Послѣ того какъ Болгарія была разгромлена турками, Константинъ бѣжалъ въ Сербію, гдѣ нашель приютъ и службу толмача при двоёрѣ деспота Стефана Лазаревича.

Здѣсь онъ пишетъ «Сказаніе о письменахъ», цѣлью котораго было обоснованіе необходимости кодификаціи орѳографіи и введенія орѳографической цензуры. Въ трудѣ Константина Костенецкаго средневѣковъ славянскій книжникъ находилъ богословское обоснованіе той языковой практикѣ, которая сложилась въ Болгаріи Сербіи и на Афонѣ; въ этомъ трудѣ была отрефлектирована языковая идеологія средневѣковаго книжника, и именно это, а не отдѣльныя орѳографическія правила стяжали ему славу философа и учителя.

Болѣе всего Константина удручаль орѳографической разнобой въ сербскихъ и болгарскихъ богослужебныхъ книгахъ, утрата («растленіе») многихъ древнихъ буквъ (ѣ, ѓ, ѿ, ѣ, ѡ, ѡ), вызванное вліяніемъ живого сербскаго языка, или произволь въ ихъ употребленіи. Все свое вниманіе Константинъ направилъ на орѳографію, на правила употребленія буквъ и надстрочныхъ знаковъ.

Орѳографическія представленія Константина были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ духовно-аскетической традиціей священнобездомлія, или исихазма. Лингвистическіе выводы изъ исихастскаго богословія Константинъ получилъ отъ учениковъ Евѳимія Тырновскаго или сдѣлалъ самостоятельно, и сводились они къ слѣдующему. Поскольку слово есть символъ, то есть обладаетъ произвольной, безусловной связью между означающимъ и означаемымъ, то «графическія знаки – не условныя, а мотивированныя обозначенія божественныхъ прообразовъ. Ясно, что любое нарушеніе нормъ орѳографіи приводитъ къ отступленію отъ орѳодоксіи – въ этомъ пафосъ сочиненія Константина»⁴. Цѣль Константина заявлена въ самомъ названіи его труда: *сказаніе изъясненію ѡ письменѣ како дрѣжати се. да не прѣложеніе сѣ растлѣваются вѣжтвенна писаніа*. «Преложеніе», то есть измѣненіе, влекущее за собой «растленіе» письменъ, происходитъ сѣ невѣжнїемъ.

Гдѣ, однако, критерій истинной орѳографіи? Во-первыхъ, этотъ критерій заключается, по мнѣнію Константина, въ греческихъ письменахъ. Греческій литературный языкъ въ это время былъ строго организованной системой нормъ и правилъ, регламентирующихъ его употребленіе. Знаніе этихъ правилъ возвышаетъ человѣка надъ невѣждами: *въ грѣцкѣмъ во писаніи ни въ чтоже вѣмѣняютъ сѣ невѣдѣшіи*⁵. Невѣжды у грековъ не могутъ быть допущены къ перепискѣ книгъ: *того во рай и възбраненіе ѣ невѣжда еже*

³ См.: *Сырку П. А.* К вопросу об исправлении книг в Болгарии в XIV в. // ЖМНП. 1886. Ч. ССXLV. С. 312-325.

⁴ *Буланин Д. М.* Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 31.

⁵ *Ягич И. В.* Рассуждения... С. 393-394.

написати вжѣтвнаа писаніа въ грѣцѣ⁶. Константина поражаетъ языковая, въ томъ числѣ и графико-орфографическая стабильность греческихъ книгъ: хотя въ многыи доми писаннаа съставлѣше, но растоаніе не вѣрѣте се и даже до днѣ въ грѣцѣскыи писменѣ, тогда какъ въ нѣи же аще и ѣ книги съвѣтъпетсе, ни двѣ ѡ въсѣ вѣрѣтаютсе едино такѡ пѡбае⁷. «Степень серьезности этого замѣчанія Константина можно оцѣнить въ полной мѣрѣ въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе слѣдующее: уже въ раннехристианское время отсутствіе единства между списками того или иного церковнаго текста могло восприниматься вѣрующими какъ свидѣтельство не только испорченности самихъ не согласныхъ между собой списковъ, но и неправославія лицъ, ихъ выполнившихъ или ими пользующихся»⁸. Такимъ образомъ, греческій литературный языкъ съ его обработанностью и кодифицированностью долженъ былъ, по мысли Константина, стать образцомъ для соотвѣтствующей обработки и кодификаціи церковнославянскаго языка.

Во-вторыхъ, критерій истинной орфографіи заключается въ кирилло-мефодіевской традиціи: св. Кирилль сумѣлъ при помощи Божіей совершить чудо – установить правильныя отношенія между греческимъ и славянскимъ языками; въ дальнѣйшемъ эти отношенія были испорчены; суть тырновской реформы, въ идеалѣ, какъ разъ и заключалась въ возвратѣ къ древней традиціи.

Эта орфографическая традиція должна быть хорошо описана какъ для обученія письму, такъ и исправленія книгъ. Большая часть трактата Константина посвящена именно этому. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Дифференціація буквъ ѡ и Ѡ: буква ѡ употребляется въ началѣ слова, а внутри слова только въ формахъ множественнаго числа; буква Ѡ пишется въ серединѣ и концѣ слова въ формахъ единственнаго числа; кромѣ того, эти буквы различаютъ слова мужского и женскаго рода: ѡѡдѡръ – ѡѡдѡра, ѡнѣ – ѡна; буквы ѡ и ѡѡ слѣдуетъ писать въ словахъ ѡѡко и ѡѡчи; между буквами а и ѡ Константинъ устанавливаетъ такое различіе: ѡдинаа – это форма женскаго рода единственнаго числа, а ѡдинаѡ – форма мужскаго рода двойственнаго числа; буквы ѡ и ѡ различаютъ смыслъ словъ: съ ѡ во свѣтъ глѣ свѣтѣи. съ ѡ-а же свѣтъ си рѣ стѣ гѣ или свѣтъи кто (въ сербскомъ языкѣ ѡ > е, а не въ 'а, какъ въ русскомъ). Благодаря такому различенію читающій понимаетъ текстъ «безъ претыканія», ибо оно издалеѣ гѡвѣ ти глаголѣ творитѣ. Свѣдущему читателю эти тонкости помогаютъ, мѣшаютъ же только невѣжамъ.

Составной частью орфографической реформы Константина было исправленіе ударенія. Константинъ указываетъ на важность ударенія («силы») для правильнаго пониманія текста. Такъ, при помощи ударенія могутъ различаться грамматическія формы: гѡвисѣ – форма изъявительнаго

⁶ Там же. С. 420.

⁷ Там же. С. 396.

⁸ Лукин П. Е. Письмена и православие. М., 2001. С. 261. Со ссылкой на «Церковную историю» (V, 28) Евсевия Кесарійскаго.

наклоненія (глаголъ повѣстьнь), гавісе – форма повелительнаго наклоненія (глаголъ повелительнь); хотя написаніе едино, но сила раздѣли надъ се; ср. еще: оуисти ѿ вѣса нечѣтіа – оуисти мѣ ѿи⁹. Отсюда слѣдовалъ выводъ о необходимости разстановки удареній въ литературныхъ, особенно богослужебныхъ текстахъ.

На русской почвѣ сочиненіе Константина подверглось передѣлкѣ и расширенію и стало служить практическимъ руководствомъ для обученія правиламъ орѳографіи; таково сочиненіе нѣкоего Евдокима, по предположенію И. В. Ягича, старца московскаго Чудова монастыря, подъ названіемъ Книга, глаголемая простословіа, некнижное оученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся вѣспокоа, евдокиимцемъ препростымъ. Евдокимъ выступаетъ какъ апологетъ грамматической науки: аще кто простоты не оуразумѣетъ, тои не може быти мѣрѣ. аще кто внимаетъ простотѣ, тои може оврѣсти и вѣщши мѣрѣи¹⁰; *простоу* надо, очевидно, понимать какъ совокупность элементарныхъ грамматическихъ свѣденій, уразумѣніе которыхъ является необходимой предпосылкой освоенія *вѣщей мудрости*. Евдокимъ ощущаетъ себя настолько «продвинутымъ» въ пониманіи важности грамматики, что называетъ невѣждами тѣхъ, кто овладѣваетъ грамотностью традиціоннымъ для древней Руси способомъ обученія черезъ заучиваніе образцовыхъ текстовъ – Часослова, Псалтири и пр.: слышѣ невѣждѣ глѣща, рече. что ми оучити вѣква. треба ми оучити книги¹¹.

Какъ указываетъ И. В. Ягичъ, издавшій «Простословіе» по списку ГИМ, Чуд. собр. № 236-34, датируемому 1589-1600 годами, грамматическій трудъ Евдокима состоитъ изъ двухъ частей: орѳографической и морфологической. Въ первой части рѣчь идетъ о звукахъ и буквахъ, причѣмъ Евдокимъ уже умѣетъ видѣть разницу между ними: междѣ реченіа и видѣніа бываетъ вѣліа в'спона¹². Далѣе вполнѣ традиціонно излагаются вопросы фонетики (дѣленіе звуковъ на звательные и полузвательные, т. е. гласные и согласные, описаніе слога), начертанія буквъ, употребленія надстрочныхъ знаковъ, знаковъ препинанія. Ученіе о знакахъ препинанія включено въ раздѣлъ о «разстояніяхъ», коихъ выдѣляется три: 1) *роздвижка* – это пробѣлъ, который нуженъ для того, чтобы рѣчь бы с рѣчию не смѣшалася въ единомъ глаголаніи; 2) *разставка* – это пробѣлъ, въ которомъ пишутся различные знаки, а именно: запятая: та знаменуетъ во единомъ развѣкѣ тогоже развѣа; подетоліа (;) – знаменуетъ то ж развѣкѣ о иномъ развѣкѣ глаголетъ или инъ развѣкѣ о томже развѣкѣ глаголетъ; точка (.) – разбиваетъ различныа развѣкы; кендина (") – исполняетъ всакъ развѣкѣ; 3) *раздѣленіе* – для обозначенія конца раздѣла и всей повѣсти, раздѣленій также три: статіа (:—), съвршеніе (—), замокъ, тожъ конецъ (::), (—:).

⁹ Ягич И. В. Рассужденія... С. 173-174.

¹⁰ Там же. С. 629.

¹¹ Там же. С. 633.

¹² Там же.

Укажемъ еще на одно сочиненіе – **Книга глѣнага вѣкѣвты грамиотиѹнаго оученіа** (РГБ, ф. 299, № 336). Главную цѣль своего сочиненія анонимный авторъ видитъ въ томъ, чтобы орѳографическими средствами различить лексическія единицы и грамматическія формы, которыя **мнозѣ^а мнѣтса єдино вѣтити**, а на самомъ дѣлѣ **тѣмъ вєліє рѣшѣніє межѣ собою имѣ^т**, то есть при помощи орѳографіи разграничить лексическіе и грамматическіе синонимы.

Для рѣшенія этой задачи авторъ привлѣкаетъ дублетныя буквы славянскаго и отчасти греческаго алфавитовъ: **а – ѡ, ѣ – ѣ, и – и – і, ѳ – ѳ – ѱ, ѣ – ѣ, ѣ – ѣ, ѣ – ѣ**. Первый вариантъ буквы употребляется въ формахъ единственнаго числа, второй – двойственнаго и множественнаго, на примѣръ: **врагѣ, гувитєль** (И. п. ед. ч.) – **врагѣ, гувитєль** (Р. п. мн. ч.), **ноги** (Р. п. ед. ч.) – **ноги** (И. п. мн. ч.) и т. п. Кроме того, грамматическія формы дифференцируются при помощи разныхъ (а не дублетныхъ) буквъ, на примѣръ, **и – ѣ: аггли** (И. п.) – **агглы** (В. п.), **прѣуствѣа** (И. п. ед. ч. м. р.) – **прѣуствѣѹци** (И. п. ед. ч. ж. р.); такая же дифференціация будетъ представлена затѣмъ въ грамматикѣ Смотрицкаго.

Въ Юго-Западной Руси польско-католическая религіозная и культурная экспансія вызвала русскую православную реакцію богословскаго, научнаго и практическаго характера, научная реакція на положеніе церковнославянскаго языка выразилась въ его изученіи и грамматическомъ описаніи.

Въ 1596 г. въ Вильнѣ появляется **Грамматика Славенска, съвершенаго искусства осемни частей слова и иныхъ нѣждныхъ**, ново съставлена **L. Z.** (Лаврентіемъ Зизаніем). **Л. Зизаній** (50-60-е гг. XVI в. – послѣ 1634 г.) былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, прошелъ выучку въ братскомъ училищѣ и іезуитской коллегіи, пріобщившись къ западноевропейской лингвистической наукѣ.

Въ раздѣлѣ объ орѳографіи Зизаній слѣдуетъ тырновско-ресавской традиціи и стремится при помощи использованія разныхъ буквъ зрительно дифференцировать лексическія и грамматическія единицы языка: **орѳографіа єсть, вѣденіє писмена правѣ писати. <...> иво ино єсть когѣ, иноже когѣ^а**.¹³ При помощи дублетныхъ буквъ **а – ѡ, ѳ – ѱ** **Л. Зизаній** предлагаетъ различать совпадающія формы единственнаго и множественнаго числа: **юноша – юноша, когѣ – когѣѣ**. Буквы **ѳ** и **ѱ** используются также для дифференціации нарѣчій и краткихъ прилагательныхъ средняго рода: **правѣднѣ – правѣдно**; при помощи пары **и – і** различаются Р. и Д. п. ед. ч.: **кости – кості**.

Въ 1619 г. въ Вильнѣ вышла изъ печати знаменитая **Грамматика Славенскаго правилнаго Сунтагма** Мелетія Смотрицкаго, которая надолго стала основнымъ учебнымъ пособіемъ по грамматикѣ; еще **М. В. Ломоносовъ** называлъ «Грамматику» Смотрицкаго наряду съ «Псалтирюю»

¹³ Грамматика Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго. Сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000. С. 34.

риёмованной» Симеона Полоцкого и «Арифметикой» Магницкого вратами своей учености.

Цѣлью Смотрицкаго было создать практическое руководство по грамматикѣ, при помощи котораго можно понимать славянскій текстъ и писать чистымъ славянскимъ языкомъ. Подъ послѣднимъ имѣлся въ виду, конечно, не старославянскій языкъ, а церковно-славянскій языкъ, узусъ котораго сложился въ XVI-XVII вв. и въ которомъ древнія формы сосѣдствуютъ съ новыми, возникшими подъ давленіемъ живыхъ славянскихъ языковъ. Изложеніе носитъ описательный характеръ, безъ какого бы то ни было углубленія въ исторію языка. За образецъ описанія принята грамматика греческаго языка Ласкариса, изданная въ Миланѣ въ 1476 г.

Орфографическія правила Смотрицкаго связаны не столько съ обозначеніемъ звуковъ славянской речи, сколько съ условнымъ употребленіемъ буквъ для зрительнаго различенія словъ и форм, при этомъ списокъ дифференцирующихъ паръ у него сравнительно съ грамматикой Зизанія расширенъ:

о – ѡ: родъ (И. п. ед. ч.) – рѡдъ (Р. п. мн. ч.); родомъ (Т. п. ед. ч.) – рѡдомъ (Д. п. мн. ч.); добраго (Р. п.) – добраго (В. п.); достоинно (кр. прил.) – достоинно (нареч.);

о – а: воинна (Д. п. дв. ч.) – воинами (Т. п. дв. ч.);

а – ѡ: бивша (Р. п. ед. ч. м. р.) – бивша (В. п. мн. ч. м. р.);

ѣ – е: отецъ (И. п. ед. ч.) – отецъ (Р. п. мн. ч.);

ѣ – Ѧ: заповѣдѣма (Д. п. дв. ч.) – заповѣдѣма (Т. п. дв. ч.);

ѹ – ю: бившѹ (Д. п. ед. ч. м. и ср. р.) – бившю (В. п. ед. ч. ж. р.);

ѣ – ѣ: ницъ (И. п. ед. ч. м. р.) – ниць (Р. п. мн. ч. м., ж., и ср. р.); кромѣ того, эти буквы, названныя *припрѣжногласными*, такъ какъ они сами по себѣ звуковъ не обозначаютъ, служатъ обозначенію качества согласныхъ, которыми оканчивается слово, на примѣр: ѹастьъ и ѹасть, кровъъ и кровъ, перстьъ и персть;

і – ѣ: свѣтѣа (И. п. мн. ч. ж. р.) – свѣтъѣа (Р. п. ед. ч. ж. р.) и т. п.

Если для различенія словъ и формъ нельзя было использовать дублетныя буквы, то Смотрицкій предлагалъ использовать для этой цѣли знаки ударенія: сѣѣнъ (И. п. ед. ч.) – сѣѣнъ (Р. п. мн. ч.). Кромѣ того, употребленіе буквъ зависѣло отъ положенія въ словѣ: Смотрицкій совѣтовалъ употреблять букву і въ серединѣ словъ передъ гласными, въ абсолютномъ началѣ слова слѣдовало употреблять буквы ѡѹ ѣ ѣа, а буквы ѣ ѣ ѡ – въ серединѣ и концѣ слова; букву ѡ употреблять въ предлогахъ ѡ и ѡвѣ.

Буквы г з ф ѣ ѹ Ѧ онъ назвалъ *странными*, то есть, очевидно, посторонними, такъ какъ они взяты и сторонняго греческаго языка, тогда какъ славянскій языкъ не нуждается въ нихъ. Наряду съ буквой г онъ поставилъ букву ѹ: первая использовалась для обозначенія славянскаго звука въ словѣ благо, вторая – для обозначенія фрикативнаго заднеязычнаго

согласнаго, свойственнаго южнорусскимъ говорамъ. Употребленіе буквъ *ѣ љ џ ѡ ѣ ѡ*, «лишнихъ» съ фонетической точки зрѣнія, оправдывалось тем, что благодаря имъ славянскій языкъ пріобреталъ то же достоинство, что и другіе сакральные языки – греческій и латинскій.

Въ Москвѣ «Грамматика» Смотрицкаго была издана въ 1648 году безъ указанія имени ея автора, такъ какъ Смотрицкій измѣнилъ Православію и перешелъ въ уніатство. Въ «Грамматикѣ» греческіе и латинскіе термины напечатаны славянскими буквами, въ некоторыхъ случаяхъ измѣнено удареніе (вм. *писма̀* – *писма́*, вм. *творѡтъ* – *творѡтъ*); значительно передѣланы парадигмы, напримѣр: вм. Д. п. *сносѣ* – *снохѣ*, вм. Р. п. *мрежѣ* – *мрежи*, вм. И. и В. п. мн. ч. *мрежѣ* – И. п. *мрежи*, В. п. *мрежы*; вм. Р. п. мн. ч. *лоди* – *лоди*; вм. М. п. ед. ч. *отци* – *отцѣ*. Некоторые раздѣлы были замѣнены соотвѣтствующими раздѣлами, взятыми изъ «Грамматики» Зизанія.

«Грамматика Смотрицкаго въ московскомъ изданіи 1648 года была тѣмъ первоначальнымъ источникомъ, изъ котораго перешли всѣ почти нововведенія не только въ послѣдовавшія за нею грамматики, но даже въ самыя церковныя книги позднѣйшаго изданія, называемыя исправленными»¹⁴. Въ послѣдующіе годы «Грамматика» Смотрицкаго съ незначительными передѣлками не разъ переиздавалась въ Москвѣ: въ 1721 году по указу Петра I, затѣмъ въ 1723 и 1755 годахъ. Она стала школьнымъ учебникомъ въ училищахъ, заведенныхъ при архіерейскихъ домахъ. Благодаря этой «Грамматикѣ» типографскіе справщики сдѣлали болѣе исправное, особенно въ отношеніи правописанія, изданіе Библии – такъ называемое московско-академическое изданіе 1663 года. При исправленіи богослужебныхъ книгъ «Грамматикой» Смотрицкаго пользовались также книжники Болгаріи, Сербіи и Далмаціи¹⁵.

Что же объединяетъ всѣ средневековыя усилія по упорядочиванію правописанія? Двѣ черты:

1) *Удержаніе всего орфографическаго наслѣдія; нѣтъ и намекъ на такое понятіе, какъ «лишнія» буквы; всѣ усилія направлены на то, чтобы установить функціональную нагрузку всѣхъ знаковъ письма.*

2) *Функціонированіе знаковъ письма связано прежде всего со зрительнымъ воспріятіемъ текста; связь между звукомъ и буквами сохраняется, но орфографическое сознаніе было основано на «презумпціи зрѣнія».*

Теперь мы сдѣлаемъ огромный шагъ во времени и перенесемся въ конецъ XIX – начало XX вѣка. Къ этому времени уже сформировался русскій литературный языкъ, на которомъ была создана русская классическая литература; она называется классической въ томъ числѣ и потому, что она даетъ намъ образецъ литературнаго употребленія языка. Въ концѣ XIX вѣка акад. Я. К. Гротомъ сложившіяся нормы русскаго правописанія были кодифицированы, его книжка «Русское правописаніе»

¹⁴ *Засадкевич Н.* Мелетий Смотрицкій какъ филолог. Одесса, 1883. С. 137.

¹⁵ См. об этомъ тамъ же. С. 167-202.

(1885 г.) выдержала 22 издания и стала учебным пособием, а также основой для других учебников.

Но именно в это время начинаются разговоры о необходимости реформы русского правописания.

Подготовка реформы, состоявшейся в 1917-1918 годах, обычно связывается с деятельностью Академии наук, в недрах которой, под непосредственным руководством выдающихся русских лингвистов-академиков Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, был подготовлен проект реформы орфографии. То, что реформа была проведена в жизнь уже большевицкой властью, объясняют или исторической случайностью, или хронической неспособностью царского правительства к каким-либо прогрессивным преобразованиям.

Однако Ни Фортунатов, ни Шахматов не были инициаторами реформы орфографии, не предлагали ее проектов, вопрос о необходимости реформирования русского правописания поднимался прежде всего в педагогической среде. Так, Педагогическое общество при Московском университете образовало на рубеже вѣковъ Комиссию по вопросу об упрощении русского правописания, в ее занятиях принимал деятельное участие Фортунатов.

Шахматов также довольно рано стал сторонником новой орфографии и защищал ее от министра внутренних дел Д. С. Сипягина, выступившего с проектом обязательного употребления в печати буквъ ѣ и ъ. Шахматов (вместе с Соболевским) написал ответ от имени Отделения русского языка и словесности Академии, который был 22 декабря 1901 г. направлен министру народного просвѣщения. В этом ответе есть несколько любопытных деталей. В нем указывается, что члены Академии, как ученые исследователи истории языка и литературы, «ясно сознают, что между живою речью, душой всякого народа, и письмом, мертвой и притом заимствованной у другого народа оболочкой, может существовать только условная и совершенно внешняя связь»¹⁶. Эти слова дают нам возможность понять, как мыслил Шахматов: для него существует две реальности: живая рѣчь и письмо, причем второе занимает служебное положение по отношению к первой; назначение письма, по Шахматову, при помощи условных значковъ фиксировать живую рѣчь народа. Таким образом, мы видим, что понимание орфографии и ее природы существенно мѣняется: на мѣсто презумпции зрѣнія приходит презумпция слуха.

Отчего это происходит? Менѣ всего это можно вѣнать в вину Шахматову или вообще русской лингвистикѣ конца XIX – начала XX вѣка. Обратим внимание на сферы научных интересов Шахматова, в которых он добился выдающихся результатов: он был филологомъ, создавшим первую научную историю русского лѣтописания; он был историкомъ **живого** (!) русского языка; наконец, он был диалектологомъ, организатором систематических исследований в этой области русистики, создателем Диалектологической комиссии. Диалектология, наряду со сравнительно-историческим языкознанием (гениальным

¹⁶ Цит. по: Чернышов В. И. Избранные труды. Т. 2. М., 1959. С. 561.

представителемъ котораго въ Россіи былъ Фортунатовъ) въ концѣ XIX — началѣ XX вѣка была, пожалуй, наиболѣе развитой областью научнаго лингвистическаго знанія. Живая рѣчь народа была главнымъ, если не единственнымъ достойнымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій; памятники письменности рассматривались главнымъ образомъ какъ источники исторической діалектологіи. Востоковъ, Потенія, Ягичъ, Соболевскій, Шахматовъ сдѣлали чрезвычайно много въ этомъ направленіи. Поэтому-то Шахматовъ невольно смотрелъ на все, если можно такъ выразиться, «діалектологическими» глазами; письмо, орѳографія въ его глазахъ, естественно, не могли имѣть высокаго значенія.

Въ этой связи будетъ небезынтересно напомнить о шахматовской концепціи образованія русскаго литературнаго языка. Шахматовъ полагалъ, что «по своему происхожденію русскій литературный языкъ — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхожденію своему древнеболгарскій) языкъ, в течение вековъ сближавшійся с живымъ народнымъ языкомъ и постепенно утратившій и утрачивающій свое иноземное обличіе»¹⁷. Церковнославянский языкъ былъ въ XI вѣкѣ настолько близокъ народному русскому языку, что «с первыхъ же летъ своего существованія на русской почве онъ сталъ неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившіе на немъ русскіе люди не могли разграничить въ своей речи ни свое произношеніе, ни свое словоупотребленіе и словоизмененіе отъ усвоеннаго ими церковнаго языка»¹⁸.

«Русскіе люди стали писать и говорить на немъ, приближая его въ своемъ произношеніи къ родному языку. Звуки древнеболгарской речи были заменены русскими: вместо носовыхъ звуковъ они произносили звуки *у* и *а*, вместо болгарскаго *ѣ* (звука, в однихъ говорахъ близкаго къ *а*, а в другихъ къ *д*) произносили *е* или отождествили его со своимъ *ѣ* (т. е. дифтономъ *ие*); сочетаніе *жд*, чуждое русскому языку, заменяли систематически черезъ *ж*; сочетаніе слоговыхъ *р* и *л* с последующими *ѣ* и *ѣ* русскіе заменяли своими сочетаніями *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* (напр., *скѣрѣ* стали произносить *скѣрѣ*, позже *скѣрѣ*, ср. русское *скѣрѣ*, откуда *скѣрѣ*); звукъ *г* (взрывной) они передавали своимъ (южнорусскимъ) *г* фрикативнымъ (*h*) и т. д. Подобныя измененія были необходимы для возможности усвоенія древнеболгарскаго языка болѣе широкой средой; только они могли привести его къ национализаци»¹⁹.

Вѣсь ходъ этихъ рассужденій обличаетъ діалектолога: въ проблемѣ образованія русскаго литературнаго языка онъ различаетъ только одну, въ общемъ-то малозначительную сторону: измененіе въ написаніи некоторыхъ словъ подъ вліяніемъ живого русскаго языка. Лишь в 20-е годы, когда въ лингвистикѣ произойдетъ смѣна научной парадигмы и во главу угла будетъ поставлено понятіе языковой функціи, въ работахъ Ш. Балли, Н. С. Трубецкаго, В. В. Виноградова будутъ сформулированы новыя подходы къ литературному языку и его исторіи.

¹⁷ Шахматовъ А. А. Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. 4-е изд. М., 1941. С. 60.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 236.

Вернемся къ «Отвѣту» Шахматова. Вѣсьма забавно читать, какъ Шахматовъ отстаиваетъ свое право употреблять въ печати тѣ буквы, которыя онъ считаетъ нужными: «... мысль, облеченную въ слово, можно и должно поставить подъ контроль закона; но подвергнуть слово, выражающее мысль, какому бы то ни было контролю, а тѣмъ болѣе произволу цензоровъ, равносильно стѣсненію мысли вообще...»²⁰. Сразу видно русскаго «либерала» и будущаго члена кадетской партіи.

По запросу Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній о русской орѳографіи на засѣданіи 14 февраля 1904 г. Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ было принято рѣшеніе образовать орѳографическую Комиссію подъ предсѣдательствомъ президента Академіи вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.); товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ акад. Фортунатовъ.

10 апреля Фортунатовъ обратился къ К. Р. съ письмомъ по поводу порядка проведенія засѣданія Комиссіи, въ которомъ поражаетъ одно предложеніе: «Августѣйшій предсѣдатель Комиссіи, предлагая собранію приступить къ обмѣну мнѣній по вопросу о реформѣ русскаго правописанія, изволить указать на то, что ораторы, рассматривая этотъ вопросъ какъ по отношенію къ цѣли правописанія, такъ и въ связи съ интересами школы и печати, не должны уклоняться въ общіе разсужденія о пользѣ или врѣдѣ реформы русскаго правописанія, напр. для культурныхъ, національныхъ или государственныхъ интересовъ. Обсужденіе такого рода общихъ вопросовъ не можетъ быть допущено, такъ какъ оно повело бы къ излишней полемикѣ, а потому и къ потерѣ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ не способствовало бы, конечно, выполненію той опредѣленной задачи, какую имѣетъ передъ собою Комиссія по вопросу о русскомъ правописаніи»²¹. Поражаетъ своеобразный лингвистическій идиотизмъ этого предложенія: собственно лингвистическая проблема не стоитъ выѣденнаго яйца, ибо каждому ясно, что пресловутыя четыре буквы (*ѣ, і/и, ъ, ѵ*) не имѣютъ отношенія къ фонетикѣ живого русскаго языка, такъ что суть реформы именно въ культурномъ, національномъ и государственномъ интересѣ, а онъ завѣдомо исключается изъ обсуждения!

Комиссія при II-мъ Отдѣленіи Академіи Наукъ засѣдала 12 апреля 1904 г. На засѣданіе комиссіи не приѣхалъ изъ Одессы А. И. Томсонъ — рѣвностный противникъ реформы.

Результаты голосованія:

Исключить «ѣиту»: за — 47, противъ — 3;

исключить «ять»: за — 34, противъ — 15;

исключить «ер»: за — 36, противъ — 14;

исключить «и» или «і»: за — 39, противъ — 11²².

Однако почти вся культурная элита русскаго общества 10-хъ годовъ — писатели, поэты, философы, дѣятели Церкви, политики — были противъ реформы, подготовленной учеными во главѣ съ Фортунатовымъ и Шахматовымъ, и реформа не состоялась. Лишь новая политическая власть

²⁰ Цит. по: Чернышов В. И. Избранные труды. Т. 2. М., 1959. С. 561-562.

²¹ Там же. С. 564.

²² См.: Чернышов В. И. Избранные труды. Т. 2. С. 573-574.

со своей маниакальной жадой отрѣченія отъ стараго міра провела реформу въ жизнь. Но и послѣ этого въ эмиграціи Иванъ Бунинъ писалъ «... да, эта «новая» орѳографія очень большое мое мѣсто, иногда просто сводитъ меня съ ума своей нелѣпостью, низостью, угодливостью черни – и тѣмъ, что вѣдь ни одна страна въ Европѣ не оскорбляла, не унижала такъ свой языкъ, какъ это сдѣлалъ самый подлый и звѣрскій СССР – съ благословенія профессора Мануйлова, ставшаго революціоннымъ министромъ народнаго Просвѣщенія» (Письмо Н.Р.Вредену отъ 12 декабря 1951 г.)²³.

Въ XX вѣкѣ возникла фонологія, которая стала одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ лингвистики XX вѣка; изумительная стройность фонологіи, строгость ея языка породили соблазнъ примѣнить фонологическій языкъ описанія къ другимъ сферамъ языка – грамматикѣ и лексикѣ, а также къ письму. Такіе соблазны не рѣдки въ исторіи разныхъ наукъ. Въ качествѣ аналогіи можно указать на фрейдизмъ: въ научномъ климатѣ конца XIX – начала XX вѣка, когда психологія считалась, по крайней мѣрѣ въ гуманитарной сферѣ, наукой наукъ, возникъ соблазнъ примѣненія языка фрейдизма къ описанію феноменовъ религіи, литературы и искусства.

Однако годится ли аппаратъ фонологіи для описанія орѳографіи? Большинство современныхъ учебниковъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно, фонологическій принципъ признается основнымъ принципомъ русскаго правописанія. Я же думаю, что это не совсѣмъ вѣрно или даже совсѣмъ невѣрно. Если посмотрѣть на сводъ правилъ русской орѳографіи, то мы съ удивленіемъ обнаружимъ, что всего два (!) правила могутъ быть описаны при помощи фонологическихъ понятій: это правило о правописаніи безударныхъ гласныхъ и правило о правописаніи «сомнительныхъ» согласныхъ; ([вада] – воды), непроизносимыхъ согласныхъ ([сонце] – соднышко), въ парныхъ по глухости – звонкости согласныхъ ([броф'] – брови). Чтобы узнать, какую букву писать, надо поставить эти звуки въ сильную позицію. Но вѣдь это правило существовало, когда ни о какой фонологіи и слуху не было! Однако и въ этомъ кругѣ есть исключенія: напримѣръ, неясно, какая фонема въ первомъ слогѣ слова *темно*, ибо можно провѣрить это слово и словомъ *тѣмный*, и словомъ *темень*; стало быть, здѣсь имѣетъ мѣсто гиперфонема, а написаніе съ буквой *е* является традиціоннымъ.

Если мы вообще посмотримъ на сводъ дѣйствующихъ правилъ русской орѳографіи, то увидимъ, что большая часть правилъ не можетъ быть описана при помощи языка фонологіи: таковы правила, касающіеся правописанія *н / ни* въ прилагательныхъ и причастіяхъ, чередующихся гласныхъ въ корнѣ (*бир-* — *бер-*, *дир-* — *дер-* и др.), гласныхъ буквъ послѣ шипящихъ и *ц*, буквъ *е* и *э*, приставокъ *раз-* / *рас-*, *без-* / *бес-*, *воз-* / *вос-*, приставокъ *пре-* / *при-*, гласныхъ *ы* / *и* послѣ приставокъ, многихъ суффиксовъ и окончаній существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и глаголовъ, слитнаго, раздѣльнаго и дефиснаго правописанія нарѣчій, многихъ предлоговъ (*въ теченіе*, *въ продолженіе*) и союзовъ (*чтобы* – *что бы*), частицъ *не* и *ни*. Если же къ этому прибавить огромное количество

²³ Бунин И. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 5 М., 1996. С. 563-564.

такъ называемыхъ «словарныхъ» словъ, то значеніе фонематическаго принципа становится и вовсе незначительнымъ, и если мы до сихъ поръ придерживаемся мненія о фонематичности нашего письма, то только въ силу авторитета научной традиціи.

Съ фонологической точки зрѣнія совершенной надо будетъ признать такую орѳографію, которая наилучшимъ образомъ отражаетъ фонемный составъ языка. Такой принципъ орѳографіи называется фонематическимъ; поскольку же фонема обнаруживаетъ себя только въ составѣ морфемы, то этотъ принципъ называютъ еще и морфологическимъ; практически это значитъ, что мы должны одной буквой обозначать одну фонему независимо отъ того, какимъ звуковымъ варіантомъ она представлена въ данной позиціи.

Съ этой точки зрѣнія усовершенствованіе орѳографіи означаетъ, во-первыхъ, изъятіе изъ азбуки такъ называемыхъ «лишнихъ» буквъ, «лишними» же они являются потому, что обозначаютъ одну и ту же фонему. Такъ, изъ трехъ исторически существовавшихъ буквъ *i* – *и* – *ѳ*, обозначавшихъ фонему <и>, нужно оставить одну букву; изъ двухъ буквъ *ѣ* – *е*, *ѳ* – *ѣ* также нужно оставить одну; «лишней» признана и буква *ѣ* на концѣ словъ, такъ какъ она не обозначала здѣсь никакой фонемы. Всѣ эти «лишнія» буквы были изъяты реформой 1918 г.

Во-вторыхъ, усовершенствованіе орѳографіи исходя изъ презумпціи слуха означаетъ измѣненіе историческаго написанія словъ на написаніе въ соотвѣтствіи съ его фонемнымъ составомъ. Напримѣръ, вмѣсто *добрый* надо писать *дброй*, ср. *молодой*, *крутой*; вмѣсто *добраго* или *молодого* надо писать *дброва*, *молодова*.

Слѣдствіемъ такого усовершенствованія явилась омонимія словъ и формъ:

мел (сущ. и. п., ед. ч., м. р.) – *мел* (глагол. прош. вр., м. р., ед. ч.)

в море (В. п.) – *в море* (П. п.)

все (И. п., мн. ч.) – *все* (И. п., ед. ч., ср. р.)

села (глагол. прош. вр., ж. р., ед. ч.) – *села* (сущ. ср. р. мн. ч., ед. ч.)

красной (И. п., ед. ч., м. р.) – *красной* (Р. п., ед. ч., ж. р.)

Фонологическій редуционизмъ упрощаетъ проблематику письма какъ особой семіотической системы, сводя ее къ одной роли – обозначенію фонемъ, и игнорируетъ иные семантическіе возможности письма.

Если же исходить изъ презумпціи зрѣнія, то усовершенствованіе традиціонной орѳографіи будетъ означать все болѣе раціональное использованіе исторически доставшихся намъ знаковъ письма. Съ этой точки зрѣнія изъ трехъ орѳографій – церковно-славянской, русской и «совѣтской» – наиболѣе совершенной является первая, затѣмъ вторая, и совѣтская – самая несовершенная.

Русская орѳографія во многомъ сохранила преемственность отъ церковно-славянской; здѣсь нѣтъ проблемъ съ различеніемъ упомянутыхъ словъ и формъ: *мль* – *мель*, *всь* – *все*, *красный* – *красной*, *въ море* – *въ морь*, *стла* – *села*, *ѣсть* – *есть*. Болѣе того, орѳографическія различія могутъ тонко использоваться въ текстѣ художественнаго произведенія. Вотъ одинъ примѣръ изъ романа Льва Толстого «Война и миръ»:

«Совѣтскій» текстъ

Оригинальный текстъ

Диакон вышел на амвон, выправил, широко отставив большой палец, длинные волосы из-под стихаря и, положив на грудь крест, громко, торжественно стал читать слова молитвы:

– *Миром* Господу помолимся.

«*Миром* – все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью – будем молиться», – думала Наташа.

Диаконъ вышелъ на амвонъ, широко отставивъ большой палецъ, длинные волосы из-подъ стихаря и, положивъ на грудь крестъ, громко, торжественно сталъ читать слова молитвы:

– *Миромъ* Господу помолимся.

«*Миромъ* – всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, безъ вражды, а соединенныя братской любовью – будемъ молиться», – думала Наташа». (Т. III. Ч. I. Гл. XVI)

Въ «совѣтскомъ» текстѣ употреблено одно слово *миром*, тогда какъ у Толстого – два слова: *миромъ* и *міромъ*. Возгласъ діакона означаетъ: будемъ молиться мирнымъ духомъ, безъ вражды, въ любви и согласіи, примирившись съ Богомъ и людьми, но Наташа Ростова, на слухъ не различающая два слова и, видимо, не твердо наставленная въ литургическомъ Богословіи, понимаетъ этотъ возгласъ въ томъ смыслѣ, что нужно молиться всѣмъ вмѣстѣ, сообща, какъ нужно напрячься всѣму народу для одолѣнія супостата Боунапартія. «Совѣтскій» читатель лишень даже возможности увидѣть эту орфографическую игру, не говоря уже ея пониманіи. Такихъ примѣровъ можно привести не одинъ, и нѣтъ сомненія, что при переводѣ текста классической литературы въ «новую» орфографію, мы огрубляемъ его воспріятіе и пониманіе.

Вотъ еще примѣры разрыва культурной традиціи. Стихъ изъ хрестоматитійнаго «Пророка» *И жало мудрыя змеи...* нельзя перевести въ «новую» орфографію, такъ какъ пропадетъ слогъ и стихъ разрушится. Однако абитуриенты уже не понимаютъ формы *мудрыя* и цитируютъ такъ: «И жало *мудрое* змеи...». То же самое произошло и со строкой Блока: «И слезы *первыя* любви . . .», которую уже печатаютъ такъ: «И слезы *первые* любви. . .» Точно такъ же и строку Пушкина «Надежды *робкія* черты . . .» («Къ живописцу», 1815) печатаютъ въ академическомъ собр. соч. «Надежды *робкіе* черты . . .», то есть поэтъ проситъ живописца изобразить не черты робкой надежды, а робкіе черты надежды, что, несомненно, является безсмыслицей.

Или еще примѣръ. Изъ исторіи русскаго стихосложенія извѣстно, что въ 1-ой трети XIX вѣка поэты пользовались точной рифмой, на примѣръ:

*Блѣетъ парусъ одинокой
Въ туманъ моря голубомъ.
Что ищетъ онъ въ странъ далекой,
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?*

Но какъ можно увидѣть точную рифму въ стихахъ, напечатанныхъ по «новой» орфографіи; ср.:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой,
Что кинул он в краю родном?*

Ср. также у Пушкина:

*Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманной?
«Евгеній Онъгинъ» 8, VII*

и

*Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?*

Ср. также: *Осел осел – Осель остьль.*

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ изъ извѣстной статьи Ивана Ильина, который называлъ новую орѳографію кривописаніемъ²⁴:

Кривописаніе	Правописаніе
<i>все ели да ели</i>	<i>всѣ ели да ели – всѣ ѣли да ѣли</i>
<i>грешник отвѣдал грешника</i>	<i>грѣшникѣ отвѣдалѣ грешника</i>
<i>он слез без слез</i>	<i>онѣ слѣзѣ безѣ слезѣ</i>
<i>у нас есть что есть</i>	<i>у насѣ есть что ѣсть</i>
<i>на горе цветов не было</i>	<i>на горе цвѣтовѣ не было – на горѣ...</i>
<i>о мире всего мира</i>	<i>о мирѣ всего міра</i>
<i>откуда вести</i>	<i>откуда вѣсти – откуда вести</i>
<i>море становилось синее</i>	<i>море становилось синее – или синѣе?</i>

Глубинный смыслъ орѳографической реформы 1917-1918 гг. какъ разъ и заключался въ разрушеніи русскаго культурнаго пространства: «Реформа имѣла невидимыя большинству современниковъ, но поистинѣ сатанинскія цѣли: пресѣчь духовную преемственность, лишить русскій народъ его прошлаго, чтобы тѣмъ вѣрнѣе формировать «новаго человѣка»²⁵.

Описаніе орѳографіи безотносительно къ связи между буквой и звучаніемъ вполнѣ возможно. Есть люди, для которыхъ вообще не существуетъ связи между письмомъ и звучащей рѣчью: это глухонѣмые отъ рожденія; они, однако, прекрасно владѣютъ письменной рѣчью. Но и всѣ люди въ процессѣ культурнаго развитія, процессѣ овладенія навыкомъ чтенія «глохнуть», то есть у всѣхъ происходитъ эмансипація воспріятія письменнаго текста отъ его звучанія. Мы начинаемъ читать по слогамъ, потомъ читаемъ вслухъ, потомъ читаемъ глазами, но еще какое-то время помогаемъ чтенію, шевеля губами, наконецъ, полностью освобождаемся даже отъ минимальнаго сопровожденія чтенія какимъ-то подобіемъ произношенія. Мы пишемъ не для того, чтобы услышать написанное, а все болѣе для того, чтобы увидѣть его и за зрительными графическими символами распознать выражаемыя ими идеи. Такъ, слово *сѣроватый* по-русски произносятся по-разному: [сѣраватый - сѣраватой - сѣраватый]; иностранецъ вообще можетъ исказить въ своемъ произношеніи это слово до неузнаваемости; однако на письмѣ оно для всѣхъ выглядитъ одинаково и потому для всѣхъ является однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ символомъ опредѣленныхъ лексическихъ и грамматическихъ идей (значеній). Эта мысль уже высказывалась въ нашей наукѣ С. И. Карцевскимъ, но не

²⁴ Ильин И. А. О наших орфографических ранах // Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 118-125.

²⁵ Протоіерей Валентинъ Асмусъ. «Ѣ». Краткое пособіе по старой орѳографіи русскаго языка. М., 1999. С. 3.

получила должного разитія. Онъ писалъ: «Письмо существуетъ для глаза. Слова должны быть понятны при первомъ же взглядѣ на ихъ начальныя буквы. <...> Для быстрого пониманія словъ глазами н е л ь з я писать слова такъ, какъ они произносятся. <...> Поэтому орѳографія должна поддерживать на письмѣ зрительное единство слова во всѣхъ его формахъ и зрительное единство семьи словъ, и, наконецъ, зрительное единство типа словоизмѣненія»²⁶.

В той или иной степени «іероглифической», или символической, является всякая орѳографія, напримѣръ, англійская, французская и нѣмецкая, приче́мъ эти культурные народы не спѣшатъ реформировать ее. «Упростить правописание для носителей этихъ языковъ равносильно культурному самоубійству»²⁷. Мы же, бѣгущіе впереди прогресса, увлеченные ложной идеей сближенія правописанія съ произношеніемъ, реформировали его, и теперь интеллигентный обыватель не въ состояніи прочесть несложный церковно-славянскій текстъ и съ неохотой беретъ въ руки книгу, напечатанную по старымъ орѳографическимъ правиламъ.

Я смѣю утверждать, что научно обоснованными являются обѣ системы орѳографіи, научно исходить и изъ презумпціи слуха, и изъ презумпціи зрѣнія. Предпочтеніе того или иного принципа усовершенствованія зависитъ, можетъ быть и къ счастью, уже не отъ ученыхъ, а отъ соглашения внутри культурнаго сообщества. Въ этой связи слѣдуетъ напомнить, что подготовленная учеными въ срединѣ 60-хъ годовъ реформа орѳографіи не прошла из-за сопротивленія ей со стороны дѣятелей культуры, хотя ихъ аргументація порой была довольно наивной, вспомнимъ хотя бы знаменитое леоновское *я этихъ огурцей ѣсть не буду*.

Какъ замѣтилъ Козьма Прутковъ, специалистъ подобень флюсу: полнота его односторонняя; я думаю, что не слѣдуетъ впадать въ фонологическую односторонность, напротивъ, нужно вдуматься въ то, что даетъ и чего не даетъ намъ наше письмо какъ буквенно-зрительная сущность. Въ этой научной и культурной парадигмѣ письмо имѣетъ важное значеніе системы зрительныхъ знаковъ, выражающихъ опредѣленныя идеи, лексическія и грамматическія. Въ этой перспективѣ богатство и разнообразіе знаковъ письма – не излишество, подлежащее искорененію, а даръ, которымъ нужно умѣло распорядиться. Въ этой связи умѣстно вспомнить слова А. П. Сумарокова: «Что меньше правилъ, то легче языку научиться; а нѣкоторые думаютъ, что въ лёгкости языка немалое состоитъ достоинство; однако тотъ алмазъ не дешевлѣ, который легче. Мнѣ думается, что въ умѣренной тяжести языка большѣ найти можно достоинства, потому что оттого большѣ разности, а гдѣ большѣ разности, тамъ большѣ пріятности и красоты, ежели разность не теряетъ смысла. Трудность языка къ наученію требуетъ большѣ времени, но приноситъ большѣ и удовольствія»²⁸. Иначе говоря, свѣдущему читателю орѳографическія тонкости помогаютъ понимать текстъ, мѣшаютъ же онѣ только невѣждамъ.

²⁶ Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 203.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Сумароков А. П. К типографским наборщикам // Собр. соч. в 10 тт. Т. VI. М., 1787. С. 310-311.

Если въ основѣ тырновско-ресавской справы и послѣдующихъ реформъ церковно-славянскаго правописанія лежала исихастская идея безусловности языкового знака, символа, (слѣдствіемъ которой было стремленіе удержать всѣ знаки письма и найти имъ то или иное функціональное употребленіе), то въ основѣ новѣйшихъ попытокъ реформъ русскаго правописанія лежитъ чисто интеллигентская идеологія. По словамъ русскаго философа Георгія Федотова, такъ называемой интеллигенціи свойственны двѣ сущностныя черты – идейность и беспочвенность. Эти двѣ черты полностью проявились и у «отцовъ» новѣйшихъ реформъ: въ данномъ случаѣ идейность проявилась въ отвлеченной идеѣ фонологической основы русской орѳографіи, а беспочвенность – въ способности пожетвовать всѣй исторической традиціей русскаго письма ради утвержденія этого абстрактнаго принципа. На память приходятъ горькія слова Шахматова, которыя онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, умирая отъ голода въ революціонномъ Петроградѣ: «Теперь, увидѣвъ носителей новой орѳографіи, я понялъ, что мы вели себя по-большевицки».

Если отвлечься отъ идеологіи, то передъ нами двѣ научныя теоріи орѳографіи, одна изъ которыхъ основана на «презумпціи зрѣнія», а другая – на «презумпціи слуха». Какая изъ нихъ лучше?